

Русскій Антропологическій Журналъ.

Издание Антропологическаго Отдѣла

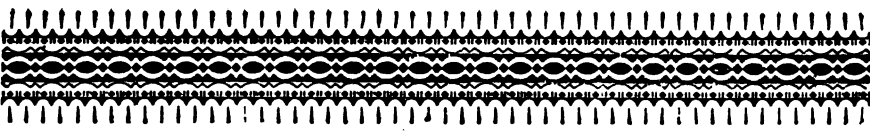
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографіи, состоящаго при Москов-
скомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ
Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
СЕКРЕТАРЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
А. А. ИВАНОВСКАГО.

1901 г., № 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидиной.
1901.

ГАЛЬЧА.

(Первобытное население Туркестана).

Вопросъ о первобытномъ населеніи Туркестана до сихъ поръ не возбуждалъ никакихъ споровъ. Лейтенантъ Бёрнсъ, одинъ изъ первыхъ европейскихъ путешественниковъ въ Бухару, говоритъ, что «первобытные жители Туркестана суть таджики или таты, иногда, хотя ошибочно, называемые сартами, что собственно служить насмѣшливымъ именемъ, которое придаютъ имъ кочующія племена. Въ отдаленныя времена воинственные турки, пришедшіе съ сѣвера, сокрушили власть этого народа, а потомъ междоусобія ослабили его еще болѣе». Того же мнѣнія придерживался и Вамбери, а съ его голоса стали повторять это и позднѣйшіе путешественники. Только Пашино остался при особомъ мнѣніи: «таджики,—пишетъ онъ,—кровные персы, попавшіе сюда въ новѣйшія времена и укоренившіеся здѣсь».

Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ теперешній равнинный Туркестанъ, таджики имѣютъ болѣе всего правъ на титулъ аборигеновъ страны: объ узбекахъ и киргизахъ мы имѣемъ довольно точныя историческія свѣдѣнія,—мы знаемъ время появленія ихъ въ предѣлахъ Туркестана; есть у насъ свѣдѣнія и о возникновеніи поселковъ арабовъ и еврейскихъ кварталовъ, и о появленіи тѣхъ персидскихъ выходцевъ изъ Мерва, которые утратили свой языкъ, смѣнивъ его на узбекскій, но сохранили вѣру, оставшись шиитами, и, въ силу этого, подъ названіемъ «ираны», выдѣлились изъ среды таджикскаго населенія, родственнаго имъ, можетъ быть, по крови; цыгане—люди и мазанги признаются несомнѣнно пришлымъ населеніемъ; остаются, слѣдовательно, только таджики, которые и сами считаютъ себя аборигенами страны. Къ тому же отсутствіе монголоидныхъ признаковъ въ типѣ, ихъ иранскій языкъ,—все говоритъ за то, что передъ нами потомки аріевъ и парапамисидовъ IV в. до Р. X.

Что значитъ слово «таджикъ»? Много было сдѣлано по этому поводу догадокъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, догадокъ, которыхъ мы не будемъ здѣсь приводить, такъ какъ въ настоящее время можетъ считаться твердо установленнымъ объясненіе этого слова, данное г. Бартольдъ. Г. Бартольдъ указываетъ, что первоначально персы называли таджиками завоевателей арабовъ, а потомъ распространили это названіе на соплеменниковъ, принявшихъ исламъ. Тюрки стали называть таджиками все туземное населеніе мусульманской вѣры, безъ различія происхожденія. Когда арабы слились съ туземцами, «таджикъ» сталъ терминомъ этнографическимъ, а подъ вліяніемъ тюрковъ, сами персы стали называть себя этимъ именемъ, переставъ примѣнять его къ арабамъ. Въ этомъ истолкованіи намъ особенно цѣнно выраженіе «безъ различія происхожденія». Значить, таджики—терминъ собирательный; значить, сначала это былъ, можетъ быть, цѣлый рядъ племенъ, различныхъ по крови, но объединенныхъ религіей, и названіе это носило чисто религіозный характеръ; затѣмъ, при дальнѣйшемъ сліяніи этихъ первоначальныхъ народностей, выработался тотъ новый, общій типъ, носителемъ котораго является ясно сложившееся племя, которое мы встрѣчаемъ теперь на равнинахъ Туркестана и которое носитъ то же названіе—«таджики», но въ другомъ уже, специально племенномъ, значеніи.

Принимая это объясненіе, мы тѣмъ самымъ признаемъ смѣшанное происхожденіе мнимыхъ аборигеновъ края, а такъ какъ смѣшеніе произошло настолько давно и настолько полно, что получился такой однообразный и яркій типъ, какъ типъ теперешнихъ таджиковъ, мы должны отказаться отъ мысли путемъ антропологическихъ измѣреній опредѣлить элементы, принимавшіе участіе въ образованіи этой народности.

Эта выдержанность типа и вводила въ заблужденіе изслѣдователей, и формула г. Бартольда не находила себѣ, поэтому, отклика, пока горный Туркестанъ оставался *terra incognita* для антропологовъ. Что въ горахъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе изолированныхъ, типъ сохраняется въ наибольшей чистотѣ—это не новость. Поэтому всѣ писавшіе о Туркестанѣ, принимая, что въ основу таджикской народности легъ одинъ народъ, который, путемъ смѣшенія съ прибывавшими племенами (и смѣшенія довольно случайнаго характера), выработалъ свой теперешній типъ, — выдвигаютъ на первый планъ горцевъ, какъ типичныхъ таджиковъ.

Но если объясненіе г. Бартольда вѣрно, то не таджикскій чистый типъ найдемъ мы въ горахъ, а тѣ, въ разрозненномъ видѣ, элементы, которые, смѣшиваясь въ равнинѣ, дали теперешнее племя таджиковъ. Вѣдь, при вторженіи завоевателей, не всѣ аборигены страны пали и не всѣ покорились. Часть ихъ должна была отступить, уйти въ горы, разсыпаться по ущельямъ. Движеніе въ горы, вызываемое недостаткомъ культурной земли въ Туркестанѣ, не затихло и теперь. Таджики, уже сложив-

шимся племенемъ, тоже отступали подъ напоромъ тюрковъ, и наиболѣе доступныя горныя долины заняты теперь ими. Но подымитесь выше, къ свѣжнымъ вершинамъ, гдѣ скудна природа, гдѣ суровъ климатъ, гдѣ хлѣбъ приходится добывать такимъ чудовищнымъ трудомъ, что о немъ трудно себѣ составить даже приблизительное понятіе,—словомъ, въ мѣстности, куда только необходимость или любовь къ свободѣ могли загнать людей,—всюду вы найдете рядъ небольшихъ племенъ, и по нарѣчіямъ, и по типу отаичныхъ другъ отъ друга и отъ равнинныхъ таджиковъ,—племенъ, которыхъ мы не имѣемъ права называть таджиками и которыхъ сами таджики называютъ «гальчей».

Слово это считается синонимомъ слова «горный таджикъ». «Горные таджики, или гальча», пишутъ этнографы, давая этому термину самыя разнобразныя толкованія, подчасъ самаго произвольнаго характера. Такъ Гребенкинъ производитъ его отъ слова «галль» (хлѣбъ) и переводитъ «возящій хлѣбъ», потому что, по его словамъ, у горцевъ не хватаетъ хлѣба, и они ввозятъ его изъ сосѣднихъ областей. Но если у туземцевъ мало хлѣба, то денегъ у нихъ еще меньше; поэтому, они ѣдятъ крутъ, горохъ, хлѣбные суррогаты всякаго рода, голодаютъ и, бываетъ, цѣлыми поселками вымираютъ отъ голоднаго тифа, но за хлѣбомъ ѣздить довольно-таки рѣдко, такъ какъ даромъ хлѣбъ раздавали, насколько мнѣ извѣстно, только одинъ разъ, во время Анзобской чумы, да и то только на Ягнобѣ. Другое объясненіе, болѣе поэтическое, но еще болѣе произвольное, далъ Уйфальви: по его словамъ, «гальча»—это вороны, которыхъ голодъ загналъ въ горы. Намъ кажется, что не зачѣмъ трудиться придумывать объясненіе слову, которое цѣликомъ имѣется въ таджикскомъ языкѣ (фальгарскомъ нарѣчіи) и значить: «чужой, посторонній». Составилось оно, по словамъ туземцевъ, изъ «галисъ» и «ча», что значить «говорящій грубо»; при дальнѣйшемъ развитіи слово это получило свой настоящій смыслъ: оно носитъ тотъ оттѣнокъ, который грекъ вкладывалъ въ слово «варваръ»,—нѣсколько обидный, презрительный оттѣнокъ. Такимъ образомъ терминъ этотъ носить тотъ же собирательный характеръ, что и терминъ «таджикъ» въ былое время. Для самаркандца, считающаго себя «солью земли и свѣтомъ міру», все горное населеніе уже «гальча». Подымитесь по Заравшану,—за Пенджикентомъ начинаются уже горы, слѣдовательно, населеніе—горные таджики или гальча. Но если назвать какого-нибудь туземца гальчей, онъ смертельно обидится. Отвѣтъ будетъ у всѣхъ одинъ: «мы—не гальча, гальча—это на Ягнобѣ, это—въ Матчѣ, тамъ дурные таджики, а мы—не гальча».

Характерно, что въ горахъ слово «таджикъ» сохранило еще, повидимому, свой первоначальный религіозный смыслъ. По крайней мѣрѣ, въ восточномъ Дарвазѣ, въ Рошанѣ, въ Шугнанѣ намъ неоднократно приходилось слышать выраженіе: «мы недавно сдѣлались таджиками», чѣмъ указывалось на ихъ недавнее, сравнительно, обращеніе въ исламъ.

Мы видимъ, что употребленіе терминовъ: «таджики» и «гальча», настолько спутано, что, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, мы должны точно установить, что мы будемъ называть этими именами. *Таджиками* мы будемъ называть племя, населяющее равнины и широкія горныя долины Туркестана,—племя, обладающее ясно очерченнымъ типомъ и происшедшее путемъ того сліянія первоначальныхъ народностей, о которомъ мы уже говорили. Это будетъ терминъ этнографическій. Что же касается *гальчи*, то мы объединимъ этимъ именемъ всѣ тѣ остатки прежняго населенія, отъ родства съ которыми отказываются сами таджики (хотя до настоящаго времени они и носятъ названіе „горныхъ таджиковъ“) и отиѣтимъ, что на основаніяхъ, приведенныхъ выше, терминъ этотъ этнографическаго значенія не имѣетъ. Принимая для таджиковъ вышеуказанное значеніе, мы видимъ, что отождествлять горныхъ таджиковъ съ гальчей нельзя; одно изъ двухъ: или «таджики» — племя, и тогда гальчи — не таджики, или таджики — терминъ собирательный, а этого допускать не зачѣмъ, разъ мы привыкли называть этимъ именемъ народъ съ рѣзко-опредѣленнымъ типомъ.

Мы уже сказали, что группа племенъ, которую мы объединяемъ словомъ «гальча», содержитъ въ разрозненномъ видѣ тѣ элементы, изъ которыхъ, повидимому, сложилась таджикская народность. Антропометрическія работы, которыя намъ удалось произвести во время пяти поѣздокъ въ Среднюю Азію (въ 1895—1899 гг.), дали возможность опредѣлить 5 основныхъ типовъ, подъ которые можно подвести горцевъ того лабиринта, который заполняетъ юго-восточную часть Туркестана и смыкается съ Гималаями.

Въ этой статьѣ мы коснемся только общихъ выводовъ; болѣе детальную разработку и анализъ физическихъ признаковъ населенія Туркестана мы отложимъ до окончательной разработки добытыхъ нами матеріаловъ.

1) Племена арабскаго типа.

Къ нимъ относятся туземцы Фанскаго ущелья (Самаркандской обл.), называющіе себя таджиками, говорящіе по-таджикски, но сохранившіе въ достаточной чистотѣ свой арабскій типъ и даже свое родовое названіе: «мы—рода Маликэ», говорятъ они ¹⁾. Если мы не ошибаемся, этотъ родъ и посейчасъ есть среди арабовъ. Тотъ же родъ Маликэ нашли мы въ Гиссарскомъ бекствѣ (Бухарское ханство), въ мѣстности Дагана, куда они перешли лѣтъ 200 тому назадъ изъ Бальджуана; выйдя на болѣе доступную мѣстность, эти Маликэ мало-по-малу начинаютъ смѣшиваться съ сосѣдями-узбеками рода Лакай, и кое-какіе монголовидные признаки уже

¹⁾ У равнинныхъ таджиковъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ родовыхъ подраздѣленій.

начинают проскальзывать въ типѣ. Но, въ общемъ, сходство съ фанцами огромно: тѣ и другіе—высокаго роста, стройнаго, сухого сложенія, съ сильно развитыми конечностями; кожа—темно-смуглая; волосы—черные, часто волнистые; глаза—съ типичнымъ европейскимъ разрывомъ, темно-каріе, подъ красиво очерченными бровями; правильный носъ, очень часто съ горбинкой; прямые, тонкія губы; зубы—небольшіе, плотные, очень часто стертые отъ неумѣреннаго употребленія сухихъ плодовъ.

Третье небольшое племя арабовъ, сходное по типу съ Маликэ, но называющее себя арабами (журайшиты), находится въ долинѣ р. Ёгъ-су. Эти арабы отступили въ горы подъ напоромъ тюрковъ уже въ новѣйшія времена и не принадлежатъ къ древнему населенію Туркестана.

2) Племена еврейскаго типа.

Этотъ типъ пользуется значительнымъ распространеніемъ. Авганцы прямо признаютъ свое еврейское происхожденіе, но о нихъ мы говорить не будемъ, такъ какъ наши измѣренія авганцевъ носятъ весьма случайный характеръ и не даютъ намъ права говорить о всѣхъ племенахъ, говорящихъ языкомъ «пушту». Въ собственномъ Туркестанѣ отдѣльныя общины съ ясно выраженнымъ еврейскимъ типомъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ какъ Зарявшанскихъ горъ, такъ и Гиссара, Каратегина. Особенно ясенъ этотъ типъ въ верховьяхъ Зарявшана, въ Матчинской волости, Самаркандской обл., но нигдѣ онъ не выраженъ съ такой силой и полнотой, какъ въ Язгулонѣ, въ восточномъ Дарвазѣ. Мѣстность эта настолько интересна, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Долина р. Язгулона (одного изъ правыхъ притоковъ Пянджа, верхней Аму-дарьи) лежитъ между Ванжемъ и Рошаномъ. Населеніе ея въ среднемъ теченіи—таджики, въ нижнемъ — особое племя — язгулоны. На первый взглядъ кажется страннымъ, что верховья и среднее теченіе рѣки заняты таджиками, а низовья язгулонами, представляющими, несомнѣнно, остатки значительно болѣе древняго населенія. Объясняется это тѣмъ, что таджики двигались по караванному пути, вдушему черезъ эту долину изъ Рошана въ Дарвазъ, черезъ кишлакъ Андергобъ на перевалъ Хушканъ съ одной стороны, и Шидъ-ок-ба — съ другой. Здѣсь-то, около дороги, и осѣли таджикскіе переселенцы, которыхъ ничто не манило въ низовья рѣки. Не могла привлечь ихъ туда почва, скудная, заваленная обломками скалъ (вслѣдствіи многочисленныхъ, частыхъ обваловъ); не могла особенно привлекать и близость авганской границы; да, наконецъ, немного переселенцевъ и выслала сюда Средняя Азія. Большая часть ихъ осѣдала раньше, въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ, а большая часть тѣхъ, которые доходили сюда, предпочитала идти дальше, пробираясь въ Читраль, Индію или богатый Бадахшанъ. Въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ въ году, когда пере-

валы закрыты, отрѣзанные отъ сообщенія съ окружающимъ міромъ, язгулонцы были въ значительной степени гарантированы отъ всякаго рода безпокойствъ. Звонъ оружія, въ теченіе вѣковъ раздававшійся въ равнинахъ Туркестана, не долеталъ сюда. Этой бѣдной страны не надо было никому, — сосѣди ихъ не трогали. Такимъ образомъ они были совершенно ограждены отъ смѣшенія, и если языкъ ихъ принималъ нѣкоторыя таджикскія слова, если они пополнили недостававшія у нихъ понятія, заимствовавъ ихъ у таджиковъ, то не заимствовали у нихъ крови, и такимъ путемъ дошелъ до насъ тотъ въ высокой степени интересный типъ, который поражаетъ глазъ путешественника въ кишлакахъ Ниж. Язгулона, отъ Яр-газана до кишлака Mothga, крайняго кишлака В. Дарваза.

Изъ путешественниковъ сюда, кажется, никто не заглядывалъ; по крайней мѣрѣ, ни лингвисты, ни антропологи ничего о нихъ не говорятъ, да и туземцы Ниж. Язгулона утверждаютъ, что не видали европейцевъ. Причина этого — отдаленность мѣстности отъ проѣзжей дороги; если бы перевалъ Шидъ-ок-ба не закрылся раньше времени, и намъ не пришлось бы, бросивъ вьюки и лошадей, пробираться въ Рошанъ пѣшкомъ, по прибрежнымъ скаламъ Пянджа, вѣроятно, и мы проѣхали бы мимо этой интересной мѣстности. Шесть кишлаковъ заняты язгулонцами. Сагли, сложенные изъ камней, изъ обломковъ скалъ, безъ цемента, низкія, закопченные, непривѣтливые, ютятся на берегу веселой, шумливой рѣчки, почти исчезая въ зелени садовъ, охватывающихъ поселки. При вѣздѣ въ кишлаки васъ окружаетъ толпа туземцевъ всѣхъ возрастовъ: дѣти, совершенно голые, или съ легкой опояской у бедеръ, мужчины въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ: то въ подобіи халатовъ, изъ грубой сермяги, съ головой, обернутой обрывкомъ ткани, то полуобнаженные, съ перекинутой черезъ плечо звѣриной шкурой, съ луками въ рукахъ; наконецъ, медленные, важные старики съ длинною бородою, съ изогнутыми посохами, — настоящіе ветхозавѣтные патріархи. Женщины, въ первую минуту скрывшіяся, почти тотчасъ появляются снова; то тамъ, то здѣсь вы видите бѣлые или цвѣтныя рубахи ихъ, открытыя, не лишеныя извѣстной пріятности, лица. Онѣ спокойно принимаются за прерванную работу.

Еврейскій типъ выраженъ у всѣхъ съ поразительной яркостью. Это тѣмъ болѣе интересно, что заподозрѣть ихъ въ семитическомъ происхожденіи прямо невозможно. Въ данномъ случаѣ намъ приходится опереться и на лингвистическія данныя. Хотя языкъ и относится къ области наиболѣе неустойчивыхъ признаковъ, хотя именно въ Средней Азіи мы находимъ разительные примѣры этому (арабы и персы, говорящіе по-узбекски и совершенно забывшіе свой языкъ), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ языкъ является настолько, если можно такъ выразиться, первобытнымъ, что заподозрѣть говорящій на немъ народъ въ заимствованіи является невыносимымъ. Именно такимъ народомъ, такимъ племенемъ и являются

язгулонцы. Составленный нами краткій словарь ихъ языка переданъ академику К. Г. Залеману, который сообщилъ намъ пока только общіе выводы: нарѣчіе это до настоящаго времени было неизвѣстно, относится къ восточно-иранскимъ нарѣчіямъ, къ т. наз. памирской группѣ языковъ и, вѣроятно, близко съ шугнанскимъ; нарѣчіе во всякомъ случаѣ весьма древнее. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько словъ этого нарѣчія, параллельно съ шугнанскимъ и таджикскимъ, на которыхъ говорятъ сосѣди.

Язгулонское.		Шугнанское.	Таджикское.
отецъ	дедъ	дад, дод	патаръ
мать	нанъ	нанъ	mother
дочь	thogd	рѣзинъ	духтаръ
я	азъ	уазъ	мынъ
ты	тау	то	ту
онъ	у	іе	Вай, у, і, жо
мы	аксаръ	мамъ	моho
1	ук	йивъ	јак
2	thoy	thoюнъ	ду
3	thuy	арай	се
4	чир	цаворъ	чоръ
5	пинъ	пинth	пяндж
6	фhy	хоу	шашъ
7	хуфтъ	(в) уфтъ	хафтъ
8	ухтъ	уаштъ	наштъ
9	ну	ноу	ну
10	thyc	thисъ	даh
20	взасть	thothуcъ	бистъ.
30, 40 и т. д. по-таджикски.			
ячень	куски	чуштъ	арпа
мужъ	уэхъ	чаръ	
домъ	кудтъ	читъ	
соль	хыръ	намакъ	намакъ.
любъ	пханай	пешона.	

Питаются язгулонцы плохо: риса нѣтъ, даже соли нѣтъ. Главная и почти единственная пища—тутъ (шелковица) и горохъ, воздѣлываемый въ небольшомъ количествѣ. Лепешку найти довольно трудно. Чаше на столѣ язгулонца встрѣтишь мясо, которое добывается охотой; стрѣляютъ изъ своихъ луковъ (прашевыхъ) туземцы мастерски.

Женятся рано, около 18—20 л., не позже. Дѣвушки выходятъ замужъ очень поздно для Средней Азіи, лѣтъ 16—20, иногда позже. Кровные браки часты. Мулла явился къ нимъ сравнительно недавно; до тѣхъ поръ превосходно обходились безъ него, довольствуясь согласіемъ и благословеніемъ родителей. Женщины нисколько не дичатся; жена хозяина даже спала въ одной комнатѣ съ нами. Женскій типъ значительно красивѣе

мужского. Значительная примѣсь этого же еврейскаго типа замѣчается въ Рошанѣ и Бадахшанѣ, отчасти и Шугнанѣ.

3) *Племена славянскаго типа.*

Къ нимъ нужно отнести часть населенія Сѣв. Каратегина и Дарваза и часть горцевъ Вахана, въ Ю. Памирахъ. Говорятъ, въ Вахія-Боло, одной изъ областей Дарваза, тоже есть цѣлые поселки горцевъ этого типа, но намъ не пришлось быть тамъ лично. Горцы эти отличаются свѣтлорусыми, довольно часто рыжеватыми, волосами, голубыми или сѣрыми глазами и тѣлосложеніемъ въ высокой степени напоминаютъ нашихъ крестьянъ-великоруссовъ.

4) *Племена армянскаго типа*

на р. Ягнобѣ, въ Самаркандской области и въ Сѣв. Гиссарѣ и Каратегинѣ, т.-е. по ту сторону Гиссарскаго хребта.

5) *Племена восточно-иранскаго типа,*

которыя, повидимому, принимали наибольшее участіе въ образованіи таджикской народности, пользуются громаднымъ распространеніемъ во всей нагорной части Туркестана и относятся къ «альпійской расѣ», которая распространена теперь въ горахъ Европы. Наши изслѣдованія убѣдили насъ въ безусловной связи, по типу, горцевъ Европы съ нашимъ восточно-иранскимъ типомъ. Европа и Азія, раздѣленные обширными равнинами Россіи, имѣютъ, такъ сказать, этапный пунктъ, въ которомъ естественныя условія позволили до настоящаго времени удержаться остаткамъ племенъ, передвигавшихся изъ Азіи въ Европу или изъ Европы въ Азію черезъ южныя степи. Этотъ пунктъ — Кавказъ ¹⁾, и несомнѣнно подробное антропологическое изслѣдованіе племенъ, населяющихъ его горный лабиринтъ, позволить намъ со-временемъ связать въ одну семью народы Азіи и Европы не-монгольской крови. Въ данномъ случаѣ промежуточное звено между горцами восточно-иранскаго типа и горцами альпійскаго типа Европы уже найдено, это—осетины. Выводы антропологии подтверждаетъ и лингвистика. Осетинскій языкъ, по заключенію акад. Залемана, близко подходитъ къ языку ягнобской гальчи, являющейся одной изъ наиболѣе яркихъ народностей вост.-иранскаго типа. Къ этой ягнобской гальчѣ мы теперь и перейдемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ягнобъ—узкая долина между Гиссарскими и Туркестанскими хребтами, на границѣ Гиссара, — была совершенной почти terra incognita, и только чума, появившаяся въ 1898 г. въ одномъ изъ ея кишлаковъ (Анзобъ), доставила ей извѣстность. До этого

¹⁾ Второй этапный пунктъ, вѣроятно, — Алтай (для шедшихъ съ сѣвера ордъ).

времени онъ почти не посѣщался путешественниками; даже мѣстная администрація заглядывала настолько рѣдко въ эту, правда, трудно доступную долину, что ягнобцы до чумы считали себя независимыми. Мнѣ пришлось быть въ составѣ чумного отряда на Ягнобѣ, и туземцы, знакомые мнѣ по прежнимъ поѣздкамъ, засыпали меня вопросами, что будетъ съ ними теперь, когда ихъ «забрали» русскіе. На мое утвержденіе, что они уже давно русскіе подданные, они недовѣрчиво шелкали языками и не слишкомъ вѣрили этому.

Невесела долина Ягноба—узкая, сдавленная горами, сложенными преимущественно изъ слюдяныхъ сланцевъ, являющихся то въ видѣ мощныхъ кристаллическихъ слоевъ, то въ видѣ разрушенныхъ, разбитыхъ на плитки обваловъ. Изрѣдка—выходы известняка; на среднемъ теченіи р. Ягноба, у кишлака Петипъ, мы наблюдаемъ мощное развитіе глинъ; окрестности Анзоба сложены изъ конгломерата. Въ горахъ есть каменный уголь, квасцы, гипсъ. Растительность не богата. Засѣянные поля, которыхъ, впрочемъ, немного, смѣняются иногда небольшими рощами фисташковыхъ деревьевъ или березъ и дикихъ вишенъ; впрочемъ, послѣднія даже и деревомъ нельзя назвать, такъ какъ верхушки ихъ ствола доходятъ до коленъ всадника, не выше. Много барбарису, какъ вообще всюду въ горахъ. Шиповникъ мѣстами образуетъ густыя заросли, черезъ которыя съ трудомъ пробирается лошадь. Но все это не можетъ сгладить общаго характера долины, который остается печальнымъ и угрюмымъ. Общая мрачность поддерживается и тучами, которыя почти постоянно висятъ надъ Ягнобомъ.

Лингвисты узнали о гальчѣ Ягноба раньше антропологовъ. Акад. К. Г. Залеманъ опредѣлилъ, что языкъ ягноба—«ягноби», какъ говорятъ лингвисты,—распадается на два нарѣчія. Оба они относятся къ группѣ памирскихъ языковъ и оба являются изолированными отъ остальныхъ нарѣчій Рошана, Шугнана, Вахана и др., имѣющихъ извѣстную связь между собой. Ближе всего эти нарѣчія, по заключенію г. Залемана, подходятъ къ осетинскому языку ¹⁾.

¹⁾ Первый далъ понятіе о нарѣчіяхъ гальча англичанинъ Шау (Schaw), труды котораго о нарѣчіяхъ ваханскомъ, сарыкольскомъ, шугнанскомъ, сангличскомъ и минджанскомъ вышли въ 1876—77 гг. Главнымъ образомъ на его данныхъ основано изслѣдованіе Томашека о памирскихъ нарѣчіяхъ, составляющее вторую часть его „Centralasiatische Studien“ (1880). Наши путешественники, начиная съ 1870 г., собрали матеріалы по нарѣчіямъ ягнобскому (въ особенности), шугнанскому (Д. Л. Ивановъ), ваханскому и кунджутскому. См. статьи акад. К. Г. Залемана въ „Восточныхъ Замѣткахъ“ (сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета. С.-Пб., 1895 г.) и акад. О. Е. Корша въ „Древностяхъ Восточныхъ“ („Труды Восточной Комиссіи Имп. Москов. Археол. Общ.“, т. II, вып. 2. Москва, 1901 г.). *Прим. ред.*

Выводы лингвистики совпадаютъ въ данномъ случаѣ съ выводами антропологiи: и въ антропологическомъ отношенiи наблюдаются два типа—вост.-иранскiй и армянскiй, изъ которыхъ одинъ преобладаетъ на правомъ, другой—на лѣвомъ берегу рѣки. *Армянскiй типъ*—высокаго роста но слабого сложенiя, брахицефалы, съ громадными и въ большинствѣ случаевъ кривыми носами, съ рѣзко вырѣзанными поздрями, овальнымъ лицомъ, густой, темной, слегка курчавой бородой, покрывающей все лицо до самыхъ глазъ, густыми сходящимися бровями, нависшими надъ темно-кариими глазами, крупнымъ ртомъ и обильной растительностью на тѣлѣ. *Вост.-иранскiй типъ*—малорослые, очень темно-смуглые, съ круглымъ, почти квадратнымъ лицомъ, густой растительностью на тѣлѣ, брахи- или ультрабрахицефалы, съ низкимъ лбомъ и сильно деформированнымъ черепомъ, темно-кариими глазами. По измѣренiямъ, они ближе всего подходятъ къ таджикамъ, и наиболѣе выраженные типы вполне совпадаютъ съ измѣренiями таджикскаго черепа Топинара и очень близки къ черепамъ Макшеватской пещеры. Измѣренiя туземцевъ вост.-иранскаго типа очень близко подходятъ также во многихъ случаяхъ къ измѣренiямъ осетинъ Терской области, произведеннымъ Н. В. Гильченко. Но намъ кажется, что установленiе родства двухъ народностей на основанiи антропометрическихъ измѣренiй, особенно не слишкомъ многочисленныхъ, настолько дѣло рискованное, что мы ограничимся здѣсь пока только указанiемъ на видимую связь осетинъ съ восточными иранцами, а окончательный выводъ отложимъ до того времени, когда намъ удастся детальнѣе разработать добытый нами матеріалъ.

Условiя жизни въ обѣихъ группахъ одинаковы. Уже самый видъ ущелья, въ которомъ лѣгнутся ихъ норы, такъ какъ жилищами нельзя назвать эти кучи камней, съ отверстiями, ничѣмъ не прикрытыми, которыя служатъ и дверями и окнами, съ низкой дымовой трубой, сложенной изъ плитокъ сланца, и кусками кизяка, налѣпленными на стѣны сакель,—уже самый видъ ущелья яснѣе словъ говорить, что ягнобцамъ живется не сладко. Ягнобскiй хлѣбъ содержитъ до 70% примѣси гороха и сорныхъ травъ. По наружному виду это какiе-то кирпичики: землястаго цвѣта—ржаные, и пепельно-сѣрые—пшеничные. Мука похожа на персидскiй порошокъ. Но и такого хлѣба не хватаетъ. Здѣсь царство хлѣбныхъ суррогатовъ. Въ большомъ ходу мука изъ ягодъ тута, гдѣ онѣ есть. Важнѣйшимъ суррогатомъ хлѣба, какъ и вообще въ горахъ, является горохъ различныхъ сортовъ: машъ (*Phaeolus mango*), мулъкъ (*Pisus Arvensis*), лодiй (*Dolichos Monachalis*). Но и гороха не хватаетъ, приходится примѣшивать сорныя травы,—единственно, въ чемъ кажется, нѣтъ недостатка на Ягнобѣ. Немногочисленный, чахлый рогатый скотъ, который мы встрѣчаемъ на Ягнобѣ, пожалуй, спасаетъ ягнобцевъ отъ голодной смерти. По крайней мѣрѣ, здѣсь за падежомъ скота всегда слѣдуютъ поавальныя бо-

лѣзни. Молоко въ разныхъ видахъ—кислое или въ видѣ крута (подобіе сыра)—составляетъ ежедневное меню туземцевъ. Молоко входитъ во всѣ почти національныя кушанья ягнобцевъ: «сіюкъ-ошъ» — болтушка изъ муки съ масломъ или молокомъ, «аш-арт» — лапша, которую подаютъ обыкновенно у болѣе зажиточныхъ, какъ и «умачъ» — супъ съ шариками изъ прѣснаго тѣста. Обыкновенное же питаніе бѣдныхъ туземцевъ — «крут-объ» — вода, въ которой размѣшанъ истолченный крутъ. Жаркого вы почти не увидите. Ягнобцы—вегетарианцы поневолѣ. Смотря на ягнобцевъ, приходится изумляться, до чего человѣкъ можетъ сократить свои потребности.

Одежда ихъ примитивна и отъ одежды другихъ горныхъ племенъ почти ничѣмъ не отличается, развѣ тѣмъ, что они носятъ круглыя тубейки, а не остроконечныя; а то тѣ же сермяжныя, домашнего тканья, армяки-халаты, горныя мягкіе сапоги-мукки, бѣлыя, тоже домашнего производства, шаровары—вотъ и весь костюмъ. Чалмъ не носятъ, за рѣдкими исключеніями.

Они считаются мусульманами; у нихъ даже есть мечеть, но намъ ни разу не удалось видѣть ягнобца на молитвѣ. Единственное, во что они твердо вѣрятъ, насколько намъ удалось убѣдиться, это въ «албасть» — горныхъ духовъ, живущихъ обыкновенно въ ущельяхъ, но съ большимъ удовольствіемъ поселяющихся и въ домахъ. А если албасть заберется подъ кровлю, выжить его оттуда очень трудно; поэтому ягнобцы принимаютъ мѣры предосторожности: у дверей вѣшаютъ пучки васильковъ, или женую тряпку, или, наконецъ, старый женскій башмакъ; это считается достаточнымъ,—ни одинъ албасть не подойдетъ. Слѣдовъ поклоненія огню у нихъ не сохранилось.

На Ягнобѣ не слышно пѣсенъ, которыя такъ любятъ всѣ среднеазіатцы. Тяжелая жизнь сдѣлала ягнобцевъ сумрачными и сосредоточенными, но выработала въ нихъ такую энергію, что невольно проникаешься къ нимъ уваженіемъ.

Бракъ, конечно, свободный и большею частью обходится безъ участія муллы. Калыма или нѣтъ, или онъ ничтоженъ. Рождаемость очень мала, что, повидному, стоитъ въ связи съ плохимъ питаніемъ. Смертность дѣтей доходитъ до 70%. Впрочемъ, нужно утѣшаться тѣмъ, что и въ равнинномъ Туркестанѣ она доходитъ до 58%. Не мудрено поэтому, что ягнобцы вымираютъ и, вѣроятно, близко то время, когда въ долину не останется и слѣдовъ этого интереснаго племени.

По ту сторону Гиссарскаго хребта, ограничивающаго Ягнобъ съ юга, лежитъ Гиссаръ и Каратегинъ, сѣверныя ущелья которыхъ населены племенемъ, сходнымъ по типу съ ягнобцами, но говорящимъ уже по-таджикски, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалось намъ посѣтить. Жизнь и здѣсь носитъ тотъ же характеръ: та же бѣдность, тотъ же не-

достатокъ земли. Въ одномъ изъ кишлаковъ, недалеко отъ Пакшивскаго перевала, у населенія только маленькій клочокъ земли годенъ для обработки; право воздѣлывать его переходитъ поочередно ко всѣмъ членамъ общины: одинъ годъ имъ владѣетъ одна семья, другой годъ—другая. Старшина этого селенья говорилъ мнѣ, что ни одинъ годъ не обходится безъ рѣзни за этотъ клочокъ, и цѣлыя семьи гибли, отстаивая свое право на воздѣлываніе его.

Второй большой областью распространенія названнаго вост.-иранскаго типа будетъ прибрежная полоса Дарваза отъ Бала-и-Хумба до Ванжа. Мѣстность эта пользуется во всемъ Туркестанѣ громкой извѣстностью: добрая половина средне-азиатскихъ легендъ приурочена къ Дарвазу, а добрая половина дарвазскихъ легендъ — къ столицѣ Дарваза, Бала-и-Хумбу. Городъ этотъ, съ пятью прилегающими къ нему селеніями, лежитъ въ глубокой котловинѣ, на самомъ берегу р. Пянджа, у впаденія въ нее р. Хингоба, на авганской границѣ, и со всѣхъ сторонъ замкнутъ высокими горами. Название свое онъ получилъ въ XVI в., во времена правленія Дарвазомъ Кыргызы-хана, наместника эмира Абдулла-хана. «Бала-и-Хумбъ» значитъ «крѣпость-котель», и названъ такъ или вслѣдствіе положенія своего въ котловинѣ, или, можетъ-быть, какъ увѣряютъ туземцы, потому, что въ немъ нашли сохранившійся и до теперешняго времени, вытесанный изъ гранита, котель работы, какъ говорятъ, сподвижниковъ Александра Македонскаго, нашедшихъ себѣ убѣжище въ Зинданѣ Хазрета Сулеймана, какъ называютъ горы Дарвазъ за его недоступность и дикую природу. Городъ весь потонулъ въ садахъ. Шелковица, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблони перемѣшаны съ кленами, серебристыми тополями, ивами, ясенями, орѣхами. Еле-еле видны изъ-за стѣны густыхъ деревьевъ плоскія крыши домовъ.

Что касается населенія этой котловины, то этнографъ встрѣчаетъ здѣсь загадку, разрѣшить которую почти невозможно. Мужчины — низкорослые, смуглые, некрасивые, съ могуче-развитой грудью, сильной мускулатурой; глаза — каріе, волосы — темные, — словомъ, тотъ же вост.-иранскій типъ, о которомъ мы уже говорили. Къ этому же типу принадлежитъ и часть женщинъ. Но рядомъ съ этимъ некрасивымъ типомъ попадаются образцы такой дивной женской красоты, какой намъ до того времени видѣть не приходилось. Есть тамъ нѣсколько семей, въ которыхъ женщины — высокаго роста, очень стройныя, прекрасно, пропорціонально сложенныя, съ роскошными шелковистыми иссиня-черными волосами; очень темные глаза, съ нѣсколько продолговатымъ зрачкомъ, брови выгнутыя, не сходящіяся, довольно густыя; профиль — прямой, классическій; небольшой ротъ и, что всего удивительнѣе, кожа молочной бѣлизны, хотя лицъ онѣ не закрываютъ. Сходство между всѣми тѣми женщинами, которыхъ намъ удалось видѣть, поразительное, — точно сестры.

Все, что намъ удалось узнать объ этихъ странныхъ женщинахъ, сводится къ слѣдующей легендѣ. Въ давнее время на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулся Кала-и-Хумбъ, жило семь горныхъ духовъ—дивовъ и ихъ сестра пѣри. Сначала мѣстность эта была дикой и непроходимой, но дивы рѣдко возвращались безъ добычи,—они приводили съ собой рабовъ, и руками этихъ рабовъ очищена была отъ камней бесплодная до той поры почва долины; они же засадили ее деревьями, по указаніямъ пѣри, и такимъ образомъ явились тѣ сады, которые не даромъ носятъ названіе райскихъ. Великій Али, блуждая по горамъ, попалъ случайно въ эту райскую долину. Увидѣлъ онъ волшебные сады, увидѣлъ павлиновъ, которыхъ нѣтъ нигдѣ въ Туркестанѣ, кромѣ Кала-и-Хумба, увидѣлъ и пѣри, передъ красотой которой, какъ увѣряютъ дарвазскіе пѣвцы, расцвѣтали розы и таяли ледники. Полюбилось могучему пророку мѣсто, но больше всего полюбилась сама пѣри. И пѣри приглянулся статный богатырь. Сталъ Али поджидать дивовъ, которые улетѣли въ то время за добычей. Одинъ за другимъ возвращались они и вступали въ борьбу съ пророкомъ. Семь страшныхъ поединковъ выдержалъ богатырь, но въ концѣ концовъ всѣ семь дивовъ сдались на милость побѣдителя. Явился откуда-то мулла, безъ котораго не могутъ обойтись современные рассказчики Дарваза, и бракъ пѣри съ Али состоялся. Отъ этого-то брака и произошли тѣ чудныя красавицы, о которыхъ мы упоминали. Остальное же населеніе Дарваза происходитъ отъ рабовъ, которыхъ привели въ свое время дивы. Какъ потомки святого и пѣри, женщины эти, по словамъ туземцевъ, одарены сверхъестественной силой. Онѣ по временамъ исчезаютъ куда-то,—ихъ уносятъ духи, и возвращаются иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Тальборѣ (въ Дарвазѣ), гдѣ старшина женатъ на женщинѣ изъ такой семьи, наблюдался цѣлый рядъ таинственныхъ явленій. Вещи, подаренныя ею разнымъ лицамъ, незримой силой переносились изъ самыхъ отдаленныхъ кишлаковъ опять въ Тальбору, въ ея домъ и т. п. Намъ не удалось ближе опредѣлить типъ этихъ таинственныхъ женщинъ: объ измѣреніяхъ нечего было и думать. Можетъ-быть, въ нихъ есть греческая кровь. Но какимъ образомъ типъ этотъ передается только женскому поколѣнію—пока остается неразрѣшимой загадкой.

Типъ «потомковъ рабовъ» сохраняется и въ долинѣ Пянджа, въ прибрежныхъ селеніяхъ. Дарвазъ—страна контрастовъ, и за райскими садами Кала-и-Хумба идутъ безжизненные, опаленные солнцемъ скалы, смѣняющіяся, впрочемъ, довольно часто рощами деревьевъ и кишлаками, утопающими въ зелени. Лѣтомъ населеніе этихъ кишлаковъ не живетъ въ сакляхъ,—душно; горцы строятъ надъ горными потоками, которые встрѣчаются здѣсь въ изобиліи, легкія бесѣдки изъ прутьевъ и спятъ въ нихъ.

Достигнувъ долины р. Ванжа, вы попадаете въ царство зоба, центромъ котораго является Кала-и-Ванжъ,—въ немъ до 94% населенія зобатое.

Зобъ, распространенный во многих мѣстностяхъ Туркестана, по сію пору представляетъ загадку для врачей и антропологовъ. Онъ встрѣчается и на высотахъ (Квито), и въ низменностяхъ (Ломбардія). Въ Туркестанѣ центрами зобатости являются г. Кокандъ, кишлакъ Дагбидъ (въ Самаркандской обл.), Аксу, кишлакъ Постгамъ, въ 24 в. отъ Яркенда, Каргалыкъ; наконецъ, намъ пришлось наблюдать зобъ у таджика Фальгарской вол., въ кишлакъ Урмитанъ, но это былъ случай единичный. Съ особенной же силой развитъ онъ здѣсь, на Ванжѣ, въ Дарвазѣ.

Чѣмъ объясняется заболѣваніе зобомъ? Этотъ вопросъ остается по сіе время открытымъ. Плиній объясняетъ его употребленіемъ снѣговой воды; интересно, что туземецъ изъ Урмитана объяснялъ свою болѣзнь тѣмъ-же: на охотѣ, разгоряченный, онъ напился снѣговой воды. Такого же мнѣнія туземцы Верхняго Ягноба, которые предупреждали насъ, чтобы мы не пили воды Кумбеля (праваго притока, образующаго послѣ сліянія съ Барзанги р. Ягнобъ), берущаго начало изъ большого снѣжника, такъ какъ вода эта дурная, отъ нея зобъ дѣлается. Между туземцами Ягноба, впрочемъ, зобатыхъ нѣтъ. Другіе приписываютъ развитіе зоба особымъ міазмамъ или гипсу, взвѣшенному въ питьевой водѣ, или присутствію въ водѣ извѣстныхъ водорослей. Многіе, наконецъ, видятъ въ зобѣ признакъ физическаго вырожденія. Зобъ въ Туркестанѣ, не разрѣшая загадки, даетъ все-таки возможность сказать съ увѣренностью, что считать зобъ признакомъ физическаго вырожденія нельзя. Среди зобатыхъ равниннаго Туркестана кретины составляютъ исключеніе. Въ Ванжѣ многіе зобатые имѣютъ признаки вырожденія; по разспросамъ выяснилось, что заболѣвали они въ возрастѣ отъ 3—6 лѣтъ, а появленіе опухоли, которая зачастую, какъ намъ пришлось видѣть у многихъ дѣтей, заставляетъ ихъ держать голову запрокинутой назадъ, не можетъ не отразиться на развитіи ихъ организма. Тѣ же, у которыхъ зобъ развился въ періодъ возмужалости, сплошь и рядомъ являются совершенно нормальными субъектами. Еще одно обстоятельство, въ высокой степени любопытное, встрѣчаемъ мы въ Восточ. Дарвазѣ: Кала-и-Ванжъ, столица зобатыхъ, лежитъ на обоихъ берегахъ Ванжа; на правомъ берегу почти поголовный зобъ, а на лѣвомъ ни одного зобатаго. Причину этого найти намъ не удалось. Изъ осмотрѣнныхъ нами 58 зобатыхъ въ Кала-и-Ванжѣ у 35-ти зобъ или отъ рожденія, или началъ развиваться въ самомъ раннемъ возрастѣ, около 3 лѣтъ, и всѣ они въ изобилии имѣютъ признаки физическаго вырожденія: уплощеніе раковины, которое, впрочемъ, весьма обычное явленіе во всемъ Дарвазѣ, какъ и приращеніе сережки, *torus palatinus* и т. п. наблюдается почти у всѣхъ. Дряблость кожи на лицѣ, плечахъ и верхней части груди безусловно стоитъ въ связи съ зобомъ. Зобъ равномерно развитъ или сильнѣе развита правая половина. У зобатыхъ этого типа волосы очень рѣдки, и ихъ очень мало. У остальныхъ 23-хъ зобъ раз-

вился между 20—30 годами и, какъ мы уже указали, впечатлѣніе кретиновъ они не производятъ, хотя между ними встрѣчались субъекты съ опухолью до 90 с. въ окружности. Причина заболѣванія, по всей вѣроятности, въ водѣ источниковъ. По крайней мѣрѣ, у семейства бухарскаго чиновника, который былъ за три мѣсяца до моего пріѣзда переведенъ туда, уже черезъ 6 недѣль появились признаки зоба, и теперь его жена и дѣти обладаютъ уже весьма солидными зобами.

Что же касается типа горцевъ Ванжа, то они подходятъ къ общему типу дарвазцевъ, хотя окраска волосъ и глазъ свѣтлѣе. Ихъ можно охарактеризовать слѣдующими словами: низко-рослые (1570 мм.), крѣпко сложенные; лобъ—не высокій, съ сильно развитыми лобными буграми и еле намѣченными лобными дугами; брови—темнорусыя, довольно рѣдкія, не сходящіяся, прямыя; носъ—толстый, короткій, сильно вздернутый, съ толстыми, рѣзко вырѣзанными ноздрями; ротъ—крупный, часто неправильный; губы—толстыя; волосы—почти черные у нормальныхъ, русые или рыжеватые у вырождающихся субъектовъ; глаза—сѣровато-каріе; скулы не выступаютъ; аномаліи ушей часты; черепа деформированы у всѣхъ поголовно: уплощеніе затылка—то общее, то частное.

Мы уже упомянули, что восточно-иранскій типъ, повидимому, легъ въ основу таджикской народности. Но и остальные племена, особенно арабскаго и еврейскаго типа, влили часть своей крови въ жилы таджиковъ. Только славянскій и армянскій типы стоятъ какъ-то особнякомъ.

Наиболѣе древними изъ этихъ племенъ гальчи мы склонны считать язгулонцевъ и ягнобскую гальчу,—племена, сохранившія въ полной чистотѣ какъ свой типъ, такъ и свои нарѣчія. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти осколки горныхъ племенъ имѣютъ значительно больше правъ на титулъ аборигеновъ страны, чѣмъ таджики, и мы увѣрены, что дальнѣйшія изслѣдованія укрѣпятъ окончательно положенія, которыя мы позволили себѣ здѣсь высказать. Но что приводитъ насъ въ легкое смущеніе,—это то, что всѣ наши вышеприведенные типы — брахицефаличны. А между тѣмъ черепа, добытые изъ древнихъ могильниковъ, выброшенные изъ озера Иссыкъ-Куля, наконецъ, найденные недавно въ Рангъ-кульскихъ пещерахъ, на Памирахъ, въ высокой степени древніе черепа,—или долихоцефаличны, или выказываютъ сильное стремленіе къ долихоцефаліи. Куда же дѣвались эти долихоцефалы? Они исчезли, растворились въ массѣ брахицефальныхъ типовъ, и только жалкіе остатки ихъ уцѣлѣли,—это негроидный типъ, носителями котораго является бродячее племя авганскихъ цыганъ - люли и который намъ посчастливилось наблюдать въ Гиссарскомъ бекствѣ. Кофейно-коричневая кожа, шапка курчавыхъ жесткихъ волосъ, низкій лобъ, короткій, очень широкій носъ, приплюснутый, съ мясистыми ноздрями, толстыя, вывороченныя губы, оттопыренные уши — настолько сближаютъ этотъ типъ съ неграми, что въ первую минуту не вѣришь

своими глазамъ. Они долихоцефальны и затылочная кость ихъ совершенно негрскаго типа. По всей вѣроятности, ихъ можно связать съ племенами дравидовъ Индіи, и есть основаніе предполагать, что именно они и относятся къ наиболѣе древнему населенію Туркестана, что согласуется съ нѣкоторыми средне-азиатскими легендами, утверждающими, что во время оно населеніе Туркестана было чернокожимъ.

Вотъ въ общихъ, грубыхъ чертахъ тѣ выводы, къ которымъ привела насъ довольно поверхностная пока разработка добытыхъ нами матеріаловъ. Въ недалекомъ будущемъ мы постараемся подтвердить вышеприведенныя положенія детальнымъ разборомъ физическихъ признаковъ каждой изъ указанныхъ нами группъ.

Таблица среднихъ антропологическихъ величинъ.

Антропометрическія величины.	Равнинные таджики. (381 изм.).	Вост.-иран- скаго типа (Иг- нобъ и Дарвазъ). (42 изм.).	Арабскій типъ.		Еврейскій типъ.			
			Горные арабы. (29 изм.).	Равнинные арабы. (17 изм.).	Ягулонцы. (21 изм.).	Матчинцы. (34 изм.).	Авганы. (18 изм.).	Равнинные евреи. (41 изм.).
Ростъ.	1684	1650	1664	1637	1702	1698	1638	1780
Величина головы . .	—	233	242	—	234	256	247	—
Передне-задній діам.	187	189	189	183	183	187	185	183
Наиб. широтный . .	156	168	158	151	160	160	157	156
Головной указатель .	83,4	89,1	83,4	82,1	87,43	85,56	84,88	85,24
Высота черепа . . .	157	159	155	155	154	159	153	155
Горизонтал. окружн.	552	559	545	550	560	580	564	570
Лобно-затылоч. дуга.	370	380	360	370	360	390	370	380
Ушная дуга.	350	350	352	320	320	340	340	330
Затылочно-ушн. хорда	126	124	120	119	125	127	123	116
Надносовая хорда. .	121	120	121	114	121	121	121	116
Подносовая хорда. .	120	121	117	116	121	121	121	108
Лицевая линія. . . .	193	174	170	189	188	192	198	196
Высота лба	58	57	50	63	58	65	65	61
Наим. ширина лба . .	116	100	103	109	118	—	109	119
Средняя треть лица.	61	52	60	64	54	59	61	62
Нижняя треть лица .	73	65	63	72	66	72	73	73
Ушной діаметръ. . .	—	133	125	130	143	141	138	133
Наиб. ширина лица .	144	141	141	137	—	—	—	—
Скуловой діаметръ .	125	123	118	119	125	119	117	131
Межглазн. простран.	39	38	36	36	40	39	38	40
Разстоян. между выш- ними угл. глазницъ.	105	96	103	100	100	97	102	101
Разстоян. между угла- ми нижней челюсти.	116	114	118	112	119	114	113	116

С. Масловскій.